

В.И.Макаров

СОЧЕТАЕМОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ФАКТОР ВЫЯВЛЕНИЯ ИХ ИНВЕКТИВНОСТИ

На основе анализа особенностей сочетаемости фразеологизмов в текстах СМИ обосновываются факторы, имеющие значение для экспертной оценки высказываний, содержащих бранную лексику и фразеологию. Исследование выполняется на современном материале.

Ключевые слова: фразеология, сочетаемость фразеологизмов, словарь сочетаемости, «я-речь», «ты-речь», лингвистическая экспертиза

Фразеологизмы наряду с другими единицами языка могут выступать носителями инвективного начала. Данный аспект употребления фразеологизмов отвечает следующей характеристике: «Инвективная лексика (инвектива от лат. *investiva* (oratio) — бранная речь) — лексика, употребление которой содержит намерение оскорбить или унижить адресата речи или третье лицо [1].

Исследования подобной языковых единиц показали, что на практике слова и выражения, которые потенциально могут выполнять инвективную функцию (например, бранная лексика), делают это далеко не во всех случаях [2]. Употребление бранной или непристойной лексики и фразеологии вслух может быть способом проявления различных мотивов, далеко не всегда имеющих отношение к намерению уязвить ближнего своего [3].

Практический смысл различие инвективного и неинвективного употребления бранной лексики приобретает в рамках проведения лингвистических экспертиз в связи с заявленными претензиями по поводу оскорбления личности, унижения человеческого достоинства. Сферы оскорбительного с юридической и бытовой точки зрения, а также оскорбительного и обидного различаются [4], однако в рамках данной статьи этот аспект не рассматривается.

Задача статьи состоит в поиске объективных критериев для проведения границы между оскорбительным и неоскорбительным, инвективным и неинвективным. Хотя истинные мотивы авторов спорных высказываний подчас все равно при этом остаются скрытыми, исследователь, проводящий лингвистическую экспертизу вполне может оценить полученный текстовый результат с позиции содержания в нем оскорбительного смысла.

Это полезно и в другом отношении: если заданы правила игры, если заранее известно, что использование тех или иных языковых конструкций является рискованным с точки зрения признания их оскорбительными, ответственность автора, особенно в такой сфере, как массовая коммуникация, становится не результатом случайного стечения обстоятельств или произвола властей, а следствием собственного выбора.

Первым признаком инвективного употребления по праву можно назвать наличие речевой агрессии [4]. Речевая агрессия проявляется в том, что говорящий в прямом смысле атакует сложившиеся у адресата и других воспринимающих данную речь представления о его достоинстве, значимости, ломает положительный личностный, профессиональный, статусный образ. В данном случае не важно, насколько оправданно такое агрессивное поведение, есть ли у говорящего основания для подобного поведения.

Упомянутый уже источник [3] говорит о том, что употребление бранной лексики в адрес кого-либо может быть следствием и свидетельством сложившихся между коммуникантами дружеских, фамильярных отношений. Это особого рода игра, в которой говорящий как бы показывает адресату, что уровень их взаимного доверия и привязанности таков, что он уверен в том, что употребленные им бранные слова не будут восприняты всерьез, и, наоборот, послание, которое находится как бы между строк, будет расшифровано верно (ср. «А мы с моей лучшей подругой обзываемся друг на друга: сучья морда, сучья рожа или сучье рыло 🐕»). Вообще непосвященному человеку со стороны может показаться, что мы ненавидим друг друга, потому что мы друг друга называем ТАКИМИ словами (не буду приводить примеры 😊), а на самом деле мы очень любим друг друга» (с женского форума)).

Ничего подобного не наблюдается в том случае, когда автор высказывания действительно преследует инвективные цели. В этом случае никакой игры и подтекста нет, автор предельно серьезен и имеет вполне конкретные и демонстрируемые им самим намерения. В этой связи нам нравится введенное в одном из исследований понятие «коммуникативной мишени» [5].

Инвектива в юридическом смысле всегда направлена на адресата, не затрагивает самого говорящего. Даже если говорящий адресуется бранные слова и выражения самому себе, это не рассматривается под углом оскорбительности. Напомним также классическое определение оснований для правового вмешательства в ситуацию речевого конфликта: инвективное выражение а) прямо адресовано конкретному лицу или группе лиц; б) при этом имеет место прямой умысел на оскорбление; в) инвективная лексика характеризует не отдельные поступки или слова данного человека, а в целом его как личность, то есть дает обобщенную оценку его личности [6].

Удобным способом разделения инвективного и неинвективного употребления бранной лексики и фразеологии является разделение речевых актов на «я-речь» и «ты-речь».

«Я-речь» направлена либо на само высказывающееся лицо, либо является безадресной, но выражающей чувства и мысли говорящего по поводу происходящих событий.

Типичной позицией в контексте «я-речи» для бранной лексики и фразеологии является позиция второстепенного или обособленного члена предложения.

«Нет такой божьей кары, которой он бы не пожелал для этой сучьей морды в тот момент времени» (Бабкин Б. Проклятие чужого золота).

«Не могу сказать, что она была полной уродиной, но выражение ее лица было столь отталкивающим, что я могла сказать о нем только двумя словами: «сучья морда» (Т.Огородникова. Брачный экстрим).

В приведенных примерах бранная фразеология не направлена не адресуется конкретному лицу, хотя и выражает оценку третьего лица со стороны говорящего, инвективной функции не несет.

Разновидностью «я-речи» можно считать различные случаи языковой игры и метафорического употребления бранной лексики и фразеологии:

«Заказчик — магазин «Доберман». Делаем календарик карманный. Отправляю макеты с фото добермана. Один макет понравился. «...фото хорошее, но там у вас сука, соски видно даже, а можно на кабеля заменить её?». Я отрезаю ей в фотошопе соски, отправляю.

Через некоторое время приезжает заказчик решать вопросы по оплате. Ну и конечно же ко мне решил подойти и на месте всё обсудить. показываю ещё раз макет. Смотрит и с лукавой улыбкой говорит: «Ну это же сука! Ну Вы посмотрите, морда же сучья!». Так его потом и прозвали за глаза — Сучья морда. :)» (с форума рекламщиков).

А она уходит гордо
от бойцов подальше,
и понюхать, сучья морда,
никому не давши!

(«Машина времени», «Песня про Машу и ее сучку»)

Также к «я-речи» можно отнести цитирование высказываний, содержащих бранную лексику в адрес кого-либо, если цитирующий в явном виде отделяет себя от автора цитируемого высказывания, не солидаризируется с ним.

«Ты-речь» направлена на адресата, непосредственно адресована ему. Позиция бранной лексики в предложении в этом случае чаще всего именная часть сказуемого или обращение.

«Я сразу же попал под психологический, а потом и под физический пресс, — рассказывает нам Гетьманенко. — В милиции первое, что я услышал: «Попался Чикатило! Сейчас за все ответишь, сучья морда!», и с ужасом понял, в чем меня подозревают». (Сегодня.ua, 04.12.2009).

Хотя позиция обращения на практике более сложна. См. в [5]:

«...текстовый материал для сравнения (А.И. Куприн, «Поход»): «Чего же ты лез на штык, идиот?» [Куприн, 1971].

1. Коммуникативная мишень (основная): опасное для жизни поведение, неоправданное с утилитарных позиций.

2. Коммуникативная мишень (косвенная): отсутствие навыков обращения с оружием. <...>

4. Вывод: лексическая единица «идиот» демонстрирует неудовлетворенность опасным для жизни поведением лица и выражает заботу о номинированном лице».

«Ты-речь» может иметь акцент на самой бранной лексике либо на обстоятельствах (как в приведенном выше примере), объективно обосновывающих ее применение. В таком случае инвективность высказывания снижается, как, впрочем, и в тех случаях, когда бранная речь, хотя и имеющая инвективную мотивацию, не адресована непосредственно осуждаемому лицу, ср.

«Кивинов встал и быстро вышел, с силой хлопнув дверью.

— Ну, сучья морда, что творит! — Миша Петров стукнул ладонью по столу и отбросил материал в сторону». (А.Кивинов. Чарующие сны)

В данной связи непонятна позиция лингвистов, которые утверждают, что правовой оценке должно подвергаться употребление именно тех оскорбительных слов и выражений, которые содержат не просто оскорбления, а обвинения в противозаконных или аморальных поступках (типа *вор*, *мошенник*), то есть так или иначе демонстрируют основание для применения данных высказываний. На наш взгляд, как раз большей инвективной силой обладает применение бранной лексики вне всякой связи с объективной реальностью, которое служит унижению человеческого достоинства, но не дает никакой возможности оправдаться, особенно в глазах третьих лиц, случайно или целенаправленно ставших свидетелями акта оскорбления.

Публикация выполнена при поддержке РГНФ, проект 15-04-00509 «Словарь сочетаемости фразеологизмов русского языка».

1. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы // Под ред. М.В.Горбаневского. М., 2004. С. 25.
2. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Они же. Словарь русской брани. СПб., 2003, с. 10-61.
3. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001. 352 с. С. 109-130.
4. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 194-206.
5. Кусов Г.В. Диагностика квалифицирующего признака «неприличная форма» в судебной лингвистической экспертизе // Культура и текст. 2013. № 1(14). С. 93-114.
6. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А.К.Симонова и М.В.Горбаневского. М.: Медея, 2004. С. 80.

References

1. Pamyatka po voprosam naznacheniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy // Pod red. M.V.Gorbanevskogo. M., 2004. S. 25.
2. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Russkaya brannaya leksika: tsenzurnoe i netsenzurnoe // Oni zhe. Slovar' russkoy brani. SPb., 2003, s. 10-61.
3. Zhel'vis V.I. Pole brani: Skvernoslovie kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira. M., 2001. 352 s. S. 109-130.
4. Zhel'vis V.I. Slovo i delo: yuridicheskiy aspekt skvernosloviya // Yurilingvistika-2: russkiy yazyk v ego estestvennom i yuridicheskom bytii. Barnaul, 2000. S. 194-206.
5. Kusov G.V. Diagnostika kvalifitsiruyushchego priznaka «neprilichnaya forma» v sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize // Kul'tura i tekst. 2013. № 1(14). S. 93-114.
6. Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: spornye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami i lingvistami. Izd. 2-e, pererab. i dop. / Pod red. A.K.Simonova i M.V.Gorbanevskogo. M.: Medeya, 2004. S. 80.

Makarov V.I. Idiom collocability as a factor for identifying their degree of offensiveness. Combinatory features of idioms are essential for identifying relevant factors for expert linguistic evidence in court. The examples of socially offensive language are taken from Russian mass media texts and message boards.

Keywords: phraseology, idiom collocability, collocations dictionary, "I-speech", "you-speech", linguistic evidence in court.

Сведения об авторе. В.И.Макаров — кандидат филологических наук; доцент; доцент кафедры русского языка Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; Vladlen.Makarov@novsu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 04.12.2016.